

Ещё до того, как она успела что-либо предпринять, её голову внезапно придавила тяжёлая ладонь. Сила, с которой её, всё ещё оглядывающуюся, развернули обратно, была непреклонной. Мужчина, стоявший позади, слегка наклонился, и его низкий голос зазвучал прямо у самого уха:

— Всё ещё смотришь? На что ты смотришь? Боишься, что люди не догадаются, что это твоих рук дело? Даже воровать толком не умеешь.

...И правда!!!

Хуа Мянью в панике отвела взгляд.

Лишь спустя несколько секунд до неё дошло:

Погодите, с чего это вдруг стало её рук дело?

Она же просто мимо проходила, обычный зевака!

Хуа Мянью в недоумении уставилась на него:

— Это вообще как-то связано со мной?

Сюань Цзи приподнял бровь, и Хуа Мянью мгновенно сникла: ладно, пусть будет связано.

...

Оставив позади хаос, они отправились в отель, чтобы снять номер. Условия в отеле, где остановилась Хуа Мянью, были гораздо лучше того, куда она приводила Сюань Цзи в первый раз, поэтому восемь с половиной тысяч юаней за месяц казались вполне приемлемой ценой.

По иронии судьбы, достойной сценария дорамы, номер Сюань Цзи оказался прямо по соседству.

Они плечом к плечу вошли в лифт. Сюань Цзи стал заметно привычнее к этой железной коробке, хотя до полной уверенности ему было ещё далеко. Хуа Мянью очень хотелось спросить, как мужчина умудрялся без проблем подниматься и спускаться в отеле те два-три дня, пока её не было, но, когда слова уже вертелись на языке, она испугалась — вдруг ответ окажется таким, что она не захочет его слышать.

Они уставились на цифры, сменяющиеся на табло.

С первого по двадцать первый этаж в лифте стояла пугающая тишина. Хуа Мянью чувствовала, что молчать как-то странно, да и Сюань Цзи, казалось, не особо жаловал лифты, поэтому она решила завязать хоть какой-то разговор:

— ...Брат Ван, он что, правда сошёл с ума? — осторожно спросила она.

— Ты беспокоишься о нём?

— ...Не совсем, — пробормотала она в нерешительности.

— Брат Ван, — повторил он. — Звучит довольно близко.

— ...Просто я не знаю, как его зовут на самом деле, — Хуа Мянью опустила голову и уставилась на свои носки, чувствуя, что ведёт себя глупо. — Все так его называют, вот и я вслед за ними.

Сюань Цзи отреагировал довольно спокойно:

— Вряд ли он сошёл с ума. Скорее всего, больше не посмеет к тебе приставать.

Как только он договорил, лифт с мелодичным звоном открылся. Мужчина первым вышел наружу. Сверяясь с номерами на дверях, он уверенно зашагал вперёд, пока не остановился у своей комнаты, а затем обернулся и с серьёзным видом посмотрел на Хуа Мянью.

Хуа Мянью:

— ...Иду.

Словно маленькая служанка, она посеменила за ним. Когда она прикладывала карту к замку, её посетило абсурдное чувство: если бы мама узнала, что за месяц она уже второй раз добровольно приводит мужчину в отель, то, наверное, упала бы в обморок от волнения.

Погружённая в свои мысли, она толкнула дверь. В номере было темно, шторы задвинуты. Хуа Мянью по привычке вставила карту в слот и включила свет в коридоре:

— Ты... ты сначала прими душ, отдохни немного? Я схожу куплю тебе нормальную одежду, скоро вернусь, только никуда не уходи...

Ответа не последовало, что заставило её занервничать. Хуа Мянью говорила всё тише и, подняв голову, посмотрела на мужчину. Тот с озадаченным видом разглядывал загоревшийся свет.

Сюань Цзи:

— Подсвечники вмонтированы в стены? Не боишься, что дом загорится?

Хуа Мянью:

— ...Это не свечи, это лампы. Электричество. Если не будет короткого замыкания, то... эх, неважно. Ты прожил в том номере три дня и ни разу не включал свет?

Сюань Цзи:

— ?

Действительно, умеет же экономить электричество. Хуа Мянью хлопнула себя ладонью по лицу, не в силах на это смотреть:

— На континенте Чжуся вы ложитесь спать с закатом? Чем же вы освещаете помещения ночью, если нет свечей?

Сюань Цзи ответил невозмутимо:

— В храме Улян есть ночные жемчужины Восточного моря. Тысячи их вделаны в стены коридоров. Свет, конечно, не такой яркий, как днём, но для ночного освещения вполне хватает.

Хуа Мянью:

— ...

Хуа Мянью снова спросила:

— Душем пользоваться научился?

Сюань Цзи:

— Девушка уже показывала.

Хуа Мянью:

— Тогда приводи себя в порядок, а я пойду за одеждой.

Сюань Цзи кивнул.

Хуа Мянью поспешила уйти, словно спасаясь бегством.

...

Хуа Мянью не знала, что, как только она скрылась за дверью, мужчина достал из-за пазухи изящное древнее зеркало.

Стоило ему коснуться зеркальной глади длинным пальцем, как поверхность, в которой отражалось его холодное лицо, пошла рябью, словно вода в озере... пока в ней не появилось другое лицо — серьёзного мужчины средних лет.

— Цинсюань, — произнёс Сюань Цзи.

— Господин, — голос мужчины в зеркале прозвучал раскатисто и уверенно. — Всё ли благополучно в современном мире? Что вы увидели сегодня?

Сюань Цзи на мгновение замешкался.

Рука, сжимающая древнее зеркало, слегка напряглась.

Мужчина с бесстрастным лицом медленно проговорил, обращаясь к человеку в зеркале:

— Помнишь ли ты, когда мне было семь лет, я ради тренировки искусства владения мечом полез на отвесную скалу перед храмом Улян и, не рассчитав сил, сорвался вниз...

Цинсюань в зеркале опешил, явно не ожидая, что господин вдруг заговорит об этом, но всё же кивнул:

— Да, было такое дело.

Сюань Цзи нахмурился:

— Где ты был в тот момент и что делал?

— ...Я немедленно послал людей тщательно прочесать подножие скалы. К счастью, мы нашли вас на древней сосне, растущей из расщелины. Видно, небо благоволило вам, — Цинсюань старался вспомнить подробности и честно ответил: — Почему вы вдруг вспомнили об этом?

— Цинсюань, сегодня произошло странное событие, — взгляд Сюань Цзи стал рассеянным. Он заложил руки за спину, подошёл к окну в пол и, посмотрев вниз, в недоумении добавил: — Я всего лишь спрыгнул с высоты двадцати с лишним этажей, но одна особа так испугалась, что прильнула к краю, глядя вниз и выкрикивая моё имя. Истерично, с надрывом, словно её охватил невыносимый страх.

Цинсюань:

— ...

Сюань Цзи:

— Почему?

Цинсюань вытер пот со лба:

— Господин, это вовсе не значит, что в тот день, семь лет назад, я не беспокоился о вашей жизни. Просто я знал, что ваше мастерство превосходит всех, как вы могли вот так просто разбиться насмерть у подножия храма Улян...

— Неважно. Просто вспомнилось, я не обвиняю тебя, не беспокойся.

Мужчина снова стал спокойным и отстранённым.

Цинсюань выдохнул, но, подумав, с тревогой спросил:

— Осмелюсь спросить: та особа, что так испугалась прыжка господина... женщина?

— Пожалуй, да.

— Душа как осенняя вода, кости из нефрита... Большинство женщин в этом мире полны нежности, они словно маленькие кролики — мягкие и беззащитные, боятся любого резкого звука, — Цинсюань усмехнулся. — Похоже, господин встретил именно такую.

Маленький кролик?

В памяти всплыл образ: она, обессиленная, прислонилась к перилам, сидя на белом снегу, глаза покраснели, и она смотрела на него...

...Действительно, есть сходство.

Сюань Цзи серьёзно кивнул.

И прямо отключил связь с зеркалом.

А там, на континенте Чжуся, в храме Улян, озадаченный управитель Цинсюань остался в полном недоумении.

Что это было?

Ни слова о том, нашлись ли ножны меча Угуй. Он потратил энергию кристалла Сюань Инь-Ян, чтобы вызвать его только ради вопроса: когда он падал со скалы в семь лет, бегал ли Цинсюань по краю и кричал ли его имя?

Серьёзно?

Конечно, Цинсюань не знал, что Сюань Цзи, который до семнадцати лет не покидал остров Футу, если не считать вылазок ради драк, никогда в жизни не видел женских слёз. То, как они дрожали, готовые вот-вот сорваться, и как она разрыдалась от облегчения, увидев, что он жив...

Он закрыл глаза.

В голове неконтролируемо прокручивались воспоминания.

Душа как осенняя вода, кости из нефрита...

Цк.

Женщины.

Хуа Мянью немного задержалась.

Всё дело в том, что ей ещё не доводилось покупать вещи для существ мужского пола. В последний раз это было в первом классе, когда мама дала ей денег на кроссовки для физкультуры и попросила заодно купить папе тапочки.

...Поэтому она понятия не имела, что носят парни и как это выбирать.

Делать было нечего, и Хуа Мянью пришлось проявить смекалку: она открыла соцсети, нашла фотографии Бай И и начала подбирать одежду в похожем стиле. Вскоре её руки были заняты пакетами: джинсы, ботинки, свитеры, термобельё...

Наконец, стоя у прилавка с кальсонами, она заколебалась. Помучившись, она всё же отправила сообщение Су Янь:

— ...Как думаешь, молодые парни сейчас носят кальсоны?

— Насколько молодые?

— Двадцать один-двадцать два года?

— В этом возрасте они, как Сяо Цзе из нашей студии, предпочитают красоту теплу. Не носят.

— Постой, кому это ты собралась покупать кальсоны?!

— ...Моему младшему брату.

Хуа Мянью знала, что Су Янь тут же спросит, откуда у неё взялся брат, поэтому сразу придумала историю про дальнего родственника, который приехал и, пытаясь привлечь внимание, приставил ей нож к горлу. Удивительно, но Су Янь, хоть и удивилась, поверила — видимо, за годы работы в съёмочной группе она видела столько безумных сценариев, что её ничем не прошибёшь.

— Ты хочешь сказать, что тот красавчик — твой брат?!

— Совсем на тебя не похож, бред какой-то. Когда это страна великанов успела породниться со страной лилипутов?

— ...

Закрой свой рот, ненавижу!

Закончив с покупками, Хуа Мянью вышла из торгового центра и села в машину. Конечно, этого не хватит на месяц, но для начала сойдёт, а остальное можно заказать на Таобао.

Приняв решение, она нажала на газ и направилась к съёмочной базе.

Дорога занимала минут десять, но база была огромной и располагалась на окраине города. Дорога вела через заброшенные стройки, где среди недостроенных высоток, покрытых зелёной сеткой, почти не было людей.

Даже днём здесь не было рабочих.

Только гигантские каменные плиты, подвешенные на ржавых кранах высоко в небе.

Покупки заняли больше времени, чем она рассчитывала — прошёл почти час, и она сильно опаздывала. Кроме того, в подобных промышленных зонах она чувствовала себя неудобно. Она уже хотела прибавить газу, но, когда машина приблизилась к стройке, телефон в сумке на пассажирском сиденье внезапно зазвонил!

Хуа Мянь:

— !

Руки на руле сжались, тело напряглось. Для человека, у которого телефон не звонит годами, это было не лучшим сюрпризом. Она не хотела отвечать, но звонок не прекращался, и в пустой машине это начинало раздражать.

Одной рукой держа руль, другой она потянулась за сумкой. Незнакомый номер.

Она ответила и нажала на громкую связь:

— Алло? Кто это... я за рулём, можно перезвонить позже?

На том конце помолчали, а затем раздался мягкий мужской голос:

— Это Бай И. Ты за рулём?

Хуа Мянь:

— ...

Бай И?

Неужели в съёмочной группе все перемерли, раз по такому пустяку звонит сам Бай И?

Что происходит?

Пока она остолбенела, голос Бай И продолжил:

— Ничего особенного. Просто тот сотрудник, которого утром увезли в больницу... Полиция просмотрела записи с камер и увидела, что в лифт на крышу заходила только ты. Они хотят задать пару дежурных вопросов.

Хуа Мянь замерла. Содержание его слов было куда страшнее самого факта звонка.

— Алло? Господин Бай И, подождите, я... я...

Она заикалась и, забыв про спешку, припарковала машину на обочине:

— Полиция? Зачем им я... Я же ничего не знаю!

Бай И:

— Раз ты за рулём, не будем сейчас говорить. Безопасность прежде всего. Поговорим, когда вернёшься.

Ладони Хуа Мянью вспотели. Не зная, от чего — то ли от страха, то ли от общения с Бай И, — она начала тараторить:

— Нет-нет, я припарковалась... Можно говорить. Утром я только проснулась, пришёл брат Ван, постучал в дверь и сказал, что из-за ночного снега реквизит на крыше испортился, попросил помочь... Я видела, что он не в себе, и не хотела идти, но побоялась, что сорву работу. На крыше он вдруг схватил меня, я испугалась и начала вырываться...

Вспомнив тот неприятный момент, она замолчала.

Погружённая в свои переживания, она не заметила странного звука сверху.

Она лишь думала о том, как выкрутиться...

Ведь по большому счёту, она сама виновата. Если бы была умнее и не пошла с ним на крышу...

Ничего бы не случилось.

Брат Ван не попал бы в больницу.

Сюань Цзи не стал бы подозреваемым.

Если посчитать, она — настоящая беда.

Она закусила губу, голос её дрожал:

— Но это всё. Я ничего ему не делала... Не знаю, почему он так себя повёл. Я оттолкнула его и убежала.

Хуа Мянью не умела лгать.

Она не знала, поверил ли ей Бай И.

— Всё хорошо, не волнуйся. Мы понимаем, что такая девушка, как ты, не могла причинить ему вреда. Это мой личный номер, запиши его. Позвони, когда вернёшься на базу. Я сам только что из полиции, всех допрашивают. Я вышел первым, поэтому попросили предупредить тебя...

Голос Бай И был низким и успокаивающим.

Казалось, он обладает природным даром внушать спокойствие.

Хуа Мянью расслабила руку, телефон выскользнул из потных ладоней и упал на сиденье.

Она замешкалась и потянулась, чтобы его поднять.

И в этот момент раздался жуткий звук — словно лопнула стальная балка!

Хуа Мянью даже не успела среагировать. Раздался оглушительный грохот, и сверху рухнули огромные плиты.

Одна ударила прямо по крыше, смяв её. Удар пришёлся по затылку Хуа Мянью, в ушах зазвенело от острой боли, её зажало между рулём и сиденьем, сработала подушка безопасности.

Вторая плита разнесла капот, лобовое стекло превратилось в пыль, осколки полетели в салон.

Третья ударила по передней части машины.

Четвёртая вонзилась в землю совсем рядом, подняв облако пыли...

Зажатая между рулём и подушкой, Хуа Мянью не могла пошевелиться. В голове гудело, кровь, казалось, застыла в жилах.

Она даже не успела осознать, что произошло.

Сквозь пыль она увидела высокую фигуру в чёрном. Мужчина в тёмных одеждах стоял неподалёку, сжимая в руке огромный синий меч... Он убрал его в импровизированные ножны за спиной, а с его руки капала кровь.

— Хуа Мянью? Что случилось? — в телефоне голос Бай И спрашивал, всё ли в порядке.

Хуа Мянью не ответила. Она наблюдала, как мужчина подошёл и одной рукой отшвырнул огромную глыбу, придавившую машину... Оценив состояние покорёженного кузова, он не стал мучиться и просто вырвал дверь с корнем.

Хуа Мянью:

— ...

Мужчина снаружи смотрел на неё безразлично:

— Ранены?

Хуа Мянью хотела покачать головой, но у неё не осталось сил даже на это. Она обмякла, словно тряпичная кукла, пока Сюань Цзи не вытащил её из машины.

На свету она подняла голову и увидела над головой ту самую стальную конструкцию. Ослабленная железная балка и оборванный трос раскачивались на ветру.

Две глыбы лежали по бокам машины, их края были ровно срезаны — явно кто-то разрубил их пополам. Если бы не это, сейчас она уже была бы в мире ином.

...Она была на волосок от смерти.

Хуа Мянью, опираясь на Сюань Цзи, открыла рот, чтобы сказать: «Ты спас меня второй раз за день, спасибо», но не смогла вымолвить ни слова. Затылок пронзила острая боль, словно тысячи игл...

В отчаянии она просто закрыла глаза и потеряла сознание.

...

Хуа Мянью не знала, сколько проспала.

Когда она очнулась, запаха больничного антисептика не было. Перед глазами стояла тьма... Сердце пропустило удар: неужели удар по голове привёл к слепоте? В панике она потянулась рукой и обнаружила, что голова замотана бинтами, словно кокон, и глаза тоже закрыты повязкой.

Почувствовав марлю на глазах, она немного успокоилась: значит, не ослепла, просто свет перекрыт.

...Она очень дорожила своим зрением. И так уже почти немая, если ещё и ослепнет — что делать?

Она пошарила руками по лицу, чувствуя смесь запаха мази и тонкого аромата цветов... Хуа Мянью повернулась, чувствуя тупую боль в затылке.

— Больно... больно.

В этот момент она вспомнила: за секунду до аварии она была человеком, которого ждёт допрос в полиции... А теперь? Сколько времени прошло? Где телефон? Не объявят ли её в розыск как преступницу, сбежавшую от следствия?

Хуа Мянью охватила тревога. Она опустила руку, хотела позвать кого-нибудь, но не знала, кого именно.

<http://bllate.org/book/21766/2250923>